

Упражнение с козлом

«Месяц в деревне» Анатолия Праудина в БДТ рекомендует Дмитрий Ренанский

СПЕКТАКЛЬ ПРАУДИНА —
ЧИСТАЯ ДЕКОНСТРУК-
ЦИЯ, РАЗРУШАЮЩАЯ СТЕ-
РЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ И
ПРИВЫЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ РАБОТЫ Анатолия Праудина лучше всего смотреть через несколько месяцев после выпуска. Впервые показанный под занавес прошлого сезона «Месяц в деревне» уже на премьере занял первую позицию в репертуаре БДТ, сегодня он выглядит одной из самых серьезных удач в постановках русской классики за последние годы. Праудин сочинил виртуозный театральный текст, способный вызывать самодостаточный, безо всяких идеологических или сюжетных коннотаций, восторг. Глядя на этот «Месяц», не нужно копаться в рукоделии бытовых мотивировок, нудно разматывать причинно-следственный клубок жизни и судеб. Режиссер колет и щекошет блестяще выделанной драматургией, в которую вовсе не обязательно заворачивать высокие смыслы или глубокое содержание, и позволяет наслаждаться ею как таковой.

Фактура и крой этого «Месяца в деревне» абсолютно неожиданны. Принято думать, что раз Тургенев, то сю-сю. А вот и не сю-сю. Акварельность, душевное вибратор, психологическую дымку, сельскую трагедийность, с которыми обычно связывают эту пьесу, режиссер не принимает во вни-

мание и ставит едко, прямо и цинично. И так умно, что разные культурные вибраторы и дымки начинают куриться сами собой. Спектакль Праудина — чистая деконструкция, разрушающая стереотипы восприятия и привычное содержание. Стереотипы такие: сам «Месяц в деревне» Тургенева и две его легендарные интерпретации, Станиславского (1909) и Эфроса (1977).

Оба классика ставили о человеческом, слишком человеческом; у Праудина на первый план выведено отрицание бытия как такового, и это основание деконструктивной поэтики прекрасно отрабатывает художник Александр Орлов. Он декорирует сцену светлым деревом, которое, впрочем, природную материю лишь обозначает — так же как голубой задник обозначает небо. Никакой пасторальности и не пахнет, торчащая отовсюду солома похожа скорее на снятые для изготовления шиньона женские волосы: не естество, а мертвый дизайн. Эстетская сценография заставляет ждать легкого и невесомого действия в духе какого-нибудь Стрелера, но через несколько минут после начала спектакля сцену пересекает чадающий трактор, а колко-саркастичная режиссура выводит на сцену пер-

сонажей, у которых естество как раз на первом плане. Помещик Ислаев говорит с интонациями колхозного бригадира. Помещик Большинцов — стареющий фавн-эротоман, его амур с юной воспитанницей Ислаевых грозит апоплексическим ударом. Похотливый слуга настойчиво пытается овладеть горничными посредством дрели. Студент-обольститель Беляев — плебей с распечатанным либидо. И так далее. Эпицентр спектакля — гимнастический козел, упражнениями на котором общество спектакля вымещает сексуальную энергию; саундтрек — оркестровые вариации на тему «Жил-был у бабушки серенький козлик», привет Эфросу, у которого звучала Сороковая симфония Моцарта.

Праудин всегда был щедр на сарказм и иронию, но в последних его спектаклях они еле-еле выступали на поверхности, словно накапливаясь для «Месяца». Тургеневская девушка Верочка показана

пубертатно расхристанной пухлявой душой, главный монолог она задает, прыгая со скакалкой. Наталье Петровне Ислаевой оставлена лишь надменная оболочка, бескровная и бестелесная — под конец она ломается пополам как картонная. В финале и вообще вырубается свет, так что на фоне яркого задника люди превращаются в теневые силуэты; от этой участи Праудин уберет только престарелую свекровь главной героини и ее малолетнего сына, то есть выжившую из ума и не нажившего ума. Оплакивать, по Праудину, здесь некого: деконструированные персонажи не слишком-то привлекательны. Тургенева принято считать предтечей Чехова; вот и Праудин, трезво посмотрев на героев «Месяца в деревне», увидел в них пустоту чеховских пошляков, прикрытых чувствительными масками.

БДТ им. Г.А. Товстоногова,
17 и 22 октября, 19.00